

G.R.S. Mead

Внешние свидетельства авторства и авторитета Евангелий

Впервые опубликовано в Theosophical Review 28 (май 1901): 237-248.

Дж. Р. С. Мид

Переходя к внешним свидетельствам, касающимся авторства и авторитетности наших четырёх Евангелий, этот вопрос удобнее всего рассматривать в двух аспектах: утверждения и цитаты или предполагаемые цитаты.

Ни в подлинных посланиях Павла, наших самых ранних исторических документах, ни в каком-либо другом послании Нового Завета, ни в самых ранних в неканонических документах, приписываемых Клименту Римскому и Варнаве, ни в Дидахе не упоминаются и не подразумеваются письменные Евангелия. Однако из посвящения Третьего Евангелия мы узнаём, как мы уже видели, что в то время существовало «много» письменных Евангелий. Лука далее подразумевает, что их разнообразие «было рассчитано на то, чтобы затуманить ясность в отношении того, чему обучался оглашённый христианин». Далее он подразумевает, что апостолы «извещали» об этом, то есть, предположительно, обучали устно, в отличие от «многих», которые писали и не были апостолами. То, что это было реальным положением дел, убедительно подтверждается тем, что мы сказали о движении маркионитов, возникшем примерно в 140–150 годах н. э. В то время не было исторической определённости в этом вопросе.

Теперь мы переходим к высказываниям Папия, епископа Фригийского Иераполиса, жившего в первой половине второго века, который написал на греческом языке пять книг под названием "Изложение логики Господней".

Поскольку высказывания Папия являются самыми ранними внешними свидетельствами авторства, и поскольку они никоим образом не подтверждают более позднюю церковную традицию настолько, насколько можно было бы ожидать, они были подвергнуты самой тщательной критике; каждая отдельная фраза была проанализирована под микроскопом, а ключевые слова истолкованы самым различным и противоречивым образом, в соответствии с точкой зрения комментатора.

Что касается названия трактата, то «экзегеза» может означать просто «изложение», хотя это слово может также включать в себя идею «толкования». Под «Логией» могут подразумеваться просто «Слова Господа», но они также могут включать в себя деяния Господа; а под «Господом», как утверждают некоторые, могут подразумеваться только пророческие высказывания Ветхого Завета, а не Слова Иисуса.

Что касается этих утверждений Папия, следует отметить, что они являются цитатами, приведёнными Евсевием (ок. 325 г. н. э.), и что их достоверность зависит от нашей оценки надёжности этого церковного отца. Это было поставлено под сомнение множеством критиков по бесчисленному количеству поводов; однако доктор Эбботт считает его «очень внимательным и добросовестным автором». Само произведение Папия исчезло.

Отрывки, которые, по мнению Евсевия, относятся к нашим Евангелиям от Марка и от Матфея, следующие (в переводе преподобного В. Х. Стэнтон, доктора богословия, профессора богословия в Кембриджском университете, автора статьи «Евангелия» в новом «Библейском словаре», поскольку доктор Эбботт приводит только греческий текст с некоторыми критическими замечаниями по его толкованию):

«Марк, став толкователем Петра, точно записал — но не в хронологическом порядке — всё, что помнил из слов и дел Христа.

Ибо он не слышал Господа и не был с Ним, но впоследствии, как я сказал, (был с) Петром, который давал ему наставления в соответствии с тем, что требовалось, но не в качестве последовательного изложения слов Господа. Так что Марк не ошибся, записав некоторые вещи так, как он их помнил. Ибо он обратил внимание на один момент, а именно: не упускать ничего из того, что он слышал, и не говорить ничего ложного по этому поводу.

Утверждение о Матфее, которое, по словам Евсевия, было сделано Папием, звучит так:

«Матфей, однако, написал Логию на еврейском языке, и каждый толковал её, как умел».

В предыдущем отрывке доктор Эбботт справедливо отвергает перевод «Марк не допустил ошибки»; это может означать только «не совершил проступка», то есть «Папий защищает Марка от вполне естественного возражения, что он не оказал апостолу должного уважения, записав устное и случайное учение» в постоянной форме.

Теперь, когда Евсевий обещает записать всё, что церковные писатели говорили о канонических Писаниях, Папий, по всей вероятности, ничего не сказал о Евангелиях от Луки и Иоанна. Однако знал ли Папий об этих Евангелиях? Это всегда будет оставаться лишь вопросом мнения, и не только это, но и предположение Евсевия о том, что Папий ссылается на наши Евангелия от Марка и от Матфея, также является лишь вопросом мнения, поскольку многие отрицают это по многим причинам, особенно на том основании, что в нашем Евангелии от Марка всё изложено «по порядку», хотя, возможно, и не в хронологическом порядке, и что Евангелие от Матфея — это не перевод, а компиляция, частично основанная на «встроенном» в Евангелие от Марка документе.

Доктор Эбботт, однако, приходит к умеренному выводу, что «Лука и Иоанн не были признаны Папием равными Марку и Матфею».

В любом случае вопрос о дате жизни Папия становится первостепенным.

Сейчас единственным важным свидетельством на эту тему является цитата из Евсевия, который, отвергая мнение Иринея (в конце II века) о том, что Папий был «слушателем Иоанна» апостола, цитирует предисловие Папия.

Доктор Эбботт приводит только текст, но профессор Шмидель в своей статье «Джон» приводит следующий перевод (опуская некоторые вставные слова спорного характера):

«Но многое из того, что я когда-то хорошо усвоил из уст старейшин и хорошо запомнил, я без колебаний изложу [или запишу] для тебя вместе с толкованиями [соответствующими им], гарантирующими их правдивость. Ибо я не так, как многие, радовался тем, кто много говорит, но тем, кто учит истине; и не тем, кто напоминает о чужих заповедях, но тем, кто напоминает о заповедях, данных Господом для веры, которые пришли к нам от самой истины. Но если бы где-нибудь также пришел кто-нибудь, кто общался со старейшинами, я удостоверился бы в высказываниях [или словах] старейшин [относительно этого] — что сказал Андрей или что сказал Петр, или что сказал Филипп, или что сказал Фома, или Иаков, или что сказали Иоанн, или Матфей, или любой другой из учеников Господа, и что говорят Аристион и Иоанн старший, ученики Господа. Ибо я предполагал, что то, что [можно извлечь] из книг, не принесет мне такой пользы, как то, что [извлекается] из живого и неизменного высказывания".

Согласно его собственным словам, Папий не только не был «слушателем» апостола Иоанна, но даже не был слушателем Аристиона или Иоанна старшего. Самая большая загадка заключается в том, что современники Папия, Аристион и Иоанн Старший, называются «учениками Господа». Это, как говорит Лайтфут, «вызывает хронологическую трудность», настолько серьезную, что единственное решение, которое может предложить доктор Эбботт, — это исключить эти слова как интерполяцию.

Это действительно развязывание гордиевого узла, и оно, безусловно, никогда не будет принято теми, кто видит в этих словах драгоценное свидетельство о расширенном значении термина «ученики Господа», который применялся не только к тем, кто лично знал Иисуса во плоти, но и к тем, кто состоял в особых отношениях с Учителем после его смерти. И если это исторический факт, как мы считаем, то из этого следует не только то, что Аристион и Иоанн Старший не были современниками Иисуса, но и то, что другие «ученики» тоже не обязательно были его современниками.

Любопытный выбор Папием имён учеников объясняется, по мнению доктора Эбботта, тем, что уже существовали тексты, приписываемые этим именам, и Папий не считал их подлинными.

Однако эта цитата из Папия Иерапольского не даёт нам чёткого представления о том, когда он жил, если только мы не примем общепринятое толкование «учеников Господа». Напротив, Евсевий говорит, что Папий жил во времена Поликарпа (умер около 165 года). Таким образом, общее мнение, высказанное доктором Стэнтоном, относит вероятную дату работы Папия примерно к 140 году н.э.; но доктор Эбботт считает, что это примерно 115-130 гг. н.э., в то время как профессор Харнак называет 145-160 гг. н.э. Однако важно отметить, что все исследование до сих пор основывалось на предположении, что "ученики Господа" должны означать не что иное, как тех, кто знал Иисуса во плоти, тогда как в так называемом гностическом трактате "Пистис София" говорится о "учениках Господа". ученики", говорящие Иисусу о "Павле, нашем брате", который, по общему признанию, знал Учителя только после смерти Его тела.

Далее мы переходим к трудам Юстина Мученика (ок. 145-149). Иустин постоянно ссылается на определенные документы, которые он называет "Мемуарами апостолов".

О слове "Мемуары" доктор Эбботт пишет: "Существует значительная вероятность того, что это слово регулярно использовалось для обозначения мемуаров или анекдотов об апостолах; сначала "повторялось" их непосредственными переводчиками или учениками; затем некоторые из них были записаны в форме Евангелий; и, наконец, принято Юстином как Мемуары, написанные апостолами о Христе".

Поскольку у нас есть несколько цитат из «Мемуаров» Юстина, на эту тему разгорелась ожесточённая полемика: одна сторона пыталась доказать, что Юстин был знаком с нашими Евангелиями, а другая отрицала это. Однако здесь мы имеем дело с утверждениями об этих Евангелиях, а не с цитатами, и следует признать, что, несмотря на все свои усилия, доктор Эбботт не может сделать однозначного вывода. Что касается чудесного зачатия и других подобных вопросов, то, по мнению Юстина, «Христос после воскресения явился своим апостолам и ученикам и научил их всему, что касалось его самого». Это напоминает нам о чрезвычайно важном утверждении Климента Александрийского: «Иакову Праведному, Иоанну и Петру был дарован Гнозис после Воскресения». Они передали его остальным апостолам, а те — Семидесяти, тем самым сохранив традицию постепенного развития внутренней школы от изначального разделения на три группы, затем на двенадцать, а впоследствии на семьдесят, или, как мы считаем, на этапы, представленные числами 3, 7, 12 и 72.

Далее мы переходим к знаменитому Мураторианскому фрагменту — варварскому латинскому переводу более раннего греческого текста. Его датировку можно назвать лишь предположительной, но обычно его относят примерно к 170 году н. э. В этом фрагменте, по-видимому, упоминаются все четыре Евангелия, поскольку после нескольких заключительных слов, относящихся к другой книге, он начинается с упоминания «третьей книги Евангелия — (книги) от Луки».

Лука здесь назван врачом, предположительно был последователем Павла и, как говорят, писал от своего имени и по своему собственному мнению (*ex opinione*).

Поскольку критика (как мы увидим далее) должна отвергнуть это приписывание третьего Евангелия Луке, возникает второстепенный вопрос: не было ли это утверждение порождено конфликтом с утверждениями Маркиона, поскольку Маркион утверждал, что его Евангелие основано на Евангелии Павла, а более поздние отцы Церкви утверждали, что это было «искажение» нашего Евангелия от Луки. В Евангелии Маркиона, по-видимому, говорится только о служении, начиная с фразы: «Он спустился в Капернаум».

Однако в Мураторианском отчёте о происхождении Четвёртого Евангелия всё гораздо яснее. Говорят, что оно было записано неким Иоанном, который был «одним из учеников». Его «товарищи-ученики и епископы», по-видимому, убеждали его написать Евангелие, но Иоанн не решался взять на себя такую ответственность и предложил, чтобы они все вместе постились три дня и рассказывали друг другу, если им что-нибудь откроется. В ту же ночь Андрею, «из числа апостолов», было открыто, что, пока всё перепроверяется, Иоанн должен записать всё от своего имени.

Но наш Иоанн не пишет от своего имени. Однако, если оставить этот момент в стороне, мы знакомимся с кругом людей, которые ищут власти в видениях! У нас есть ученики, епископы и апостол, собравшиеся на конклаве; и мы можем даже сделать вывод, что Иоанн, который вовсе не является старшим по рангу (иначе он, несомненно, был бы удостоен титула апостола), сомневается в своих силах или полномочиях, чтобы взяться за столь важное дело, и его можно убедить сделать это только в том случае, если апостол общины получит прямое откровение по этому вопросу. Мы увидим важность этой традиции в дальнейшем.

Переходя к Иринею Лионскому (около 185 г. н. э.), мы приходим к первой формулировке общепринятой традиции о четырёх Евангелиях. Согласно Иринею, Иоанн был личным учеником Иисуса и написал своё Евангелие в Эфесе. Матфей опубликовал своё Евангелие на иврите, «когда Пётр и Павел в Риме проповедовали и основывали Церковь». Марк записал то, что проповедовал Пётр; Лука «изложил в книге то, что проповедовал Павел».

Едва ли нужно добавлять, что именно утверждения Иринея современные научные исследования ставят под сомнение; что касается Матфея и Марка, Иринея, очевидно, опирался на Папия.

В трудах Климента Александрийского (ок. 195 г. н. э.) мало что может нам помочь, кроме утверждения, что родословия были написаны первыми, то есть до наших Евангелий от Матфея и Луки.

Однако он приводит версию предания об Иоанне, которая устраняет «камни преткновения» более полного и наивного повествования Муратори. Он говорит: «Иоанн, в конце концов, осознав, что в Евангелиях изложены земные [букв. телесные] аспекты, по наущению своих учеников [или, может быть, соратников], движимый особым порывом духа, написал духовное Евангелие».

Климент продолжает традицию Папия Александрийского, согласно которой Евангелие от Марка основано на учении Петра, как и Ориген.

И на этом наше исследование внешних свидетельств о происхождении может быть закончено, поскольку, как говорит доктор Эбботт: «Более поздние авторы не имеют никаких дополнительных свидетельств и могут лишь иллюстрировать склонность традиции, даже среди честных и способных людей, преувеличивать или преуменьшать в предполагаемых интересах правого дела».

Далее мы переходим к важному вопросу о цитатах, которые, как предполагается, доказывают существование наших нынешних четырёх Евангелий. Во-первых, что касается цитат из книг, написанных до Юстина (150 г. н. э.).

В посланиях Павла, самых ранних исторических документах христианского мира, нет ни одной цитаты, которая встречается в наших Евангелиях. Одно высказывание встречается в Евангелиях от Матфея и от Луки, но это высказывание (как и другие высказывания, процитированные Павлом, но не встречающиеся в наших Евангелиях) также встречается в древнем документе под названием Дидахе. Этот совершенно удивительный факт так и не получил удовлетворительного объяснения.

Гипотеза о том, что Павел и Дидахе, вероятно, использовали предшествующую традицию, не помогает нам понять, почему более поздние синоптики опираются на совершенно другой сборник или сборники «Логий».

Точно так же Послание Иакова, которое относится к раннему, хотя и неопределённому периоду, «хотя и пронизано учением, схожим с Нагорной проповедью», содержит «более явные параллели» с Дидахе и Посланием Варнавы. В нём нет ничего, что указывало бы на знакомство с нашими Евангелиями.

То, что, однако, могли быть в обращении различные сборники публичных высказываний, значительно отличающиеся друг от друга, вполне правдоподобно. Доктор Эбботт считает, что новооткрытые "Логии Бенесы" (фрагмент Оксирина) являются примером такого раннего "руководства"; выдвинув некоторые сильные стороны в пользу их древности, он приходит к выводу, что "эти и многие другие соображения указывают на то, что эти "Логии" являются подлинными высказываниями Иисуса, игнорируемыми или замалчиваемыми из-за "опасной" тенденции некоторых из них и неясности других".

Итак, из шести поддающихся расшифровке изречений, которые содержит этот обрывок самого древнего из известных нам христианских документов, только одно знакомо нам по каноническим Евангелиям, два содержат новую информацию и важные варианты, а три являются совершенно новыми. На листе, которым мы располагаем, стоит номер 18. Таким образом, если мы насчитаем 8 изречений на листе (два изречения на нашем листе не поддаются расшифровке), сборник должен был содержать по крайней мере 144 изречения; и если процент "новых" изречений по отношению к канонически известным или частично известным изречениям был таким же высоким, как на единственном дошедшем до нас листе, по крайней мере половина материалов изречений была для нас утеряна и, возможно, содержала доктрины, которые потребовали бы полного пересмотра общего взгляда на оригинальное христианское учение.

Итак, что касается Послания Климента Римского (около 95 г. н. э., хотя некоторые называют более позднюю дату, что является чистой воды предположением), то отрывок, приведённый в доказательство знакомства с нашими Евангелиями от Матфея и от Луки, в сравнении с Поликарпом и Климентом Александрийским «довольно убедительно показывает, что эти авторы имели в виду какую-то другую традицию, а не синоптическую».

Дидахе, или Учение двенадцати апостолов, — это составной документ, дата создания которого вызывает много споров. Однако принято считать, что 80-110 годы — это крайние даты. Она состоит из двух частей, «Двух путей», в которых излагаются наставления Господа, но не содержится никаких отсылок к «Словам» или «Евангелию». Многие считают, что эта часть взята из одноимённого иудейского учения. В последней части содержатся отсылки как к «Изречениям», так и к «Евангелию». В этом вопросе доктор Эбботт прямо противоречит сам себе. Сначала он говорит: «Под «Евангелием», вероятно, подразумевается Нагорная проповедь». Но «что касается этой маленькой книги, то «Евангелие» может состоять из версии Нагорной проповеди и наставлений Двенадцати. О Втором пришествии автор упоминает «знамения истины» с такой очевидной независимостью от Матфея, что возникает сомнение, являются ли в контексте сходства с Матфеем цитатами из Матфея.

Послание Варнавы, которое очень консервативный Лайтфут датировал 70-79 годами н. э., но другие исследователи относят его к более позднему периоду, не содержит упоминаний о канонических Евангелиях. Интересно, что Варнава, или кто бы ни был автором этого древнего послания, «предвосхищает» Иоанна.

Фрагмент «Великого Апофазиса», или «Провозглашения», приписываемого «Симону Магу», раннему гностическому документу, который Лайтфут относит к концу I века, содержит некоторые фразы, которые «позволяют предположить, что Иоанн имел в виду Симона, когда писал своё Евангелие». Но это всего лишь предположение.

Игнатий, дата рождения которого указана как до 110 года н. э., цитирует несколько коротких предложений, встречающихся в нашем Евангелии от Матфея, и однажды фразу, характерную для Евангелия от Марка, но нет ничего, что указывало бы на то, что он цитирует непосредственно из нашего Евангелия от Матфея или Евангелия от Марка. Более вероятно, что он опирается на один или несколько их «источников». Доктор Эбботт, однако, в этой неопределённости занимает консервативную позицию.

Короткое послание Поликарпа (которое, по мнению доктора Эбботта, датируется 110 годом н. э., но, безусловно, должно быть датировано гораздо более поздним временем) вряд ли может дать нам основания для каких-либо определённых предположений; но в той мере, в какой из него можно сделать какие-либо выводы, доктор Эбботт считает, что Поликарп знал «Евангелие от Марка и от Матфея», следуя той же тенденции, которую он уже продемонстрировал в вопросе об Игнатии.

Что касается фрагментов Папия, то единственная цитата, которую можно привести в связи с этим вопросом, «приводит к выводу, что Папий не цитирует и неверно интерпретирует Иоанна», как утверждает консервативная критика, «а цитирует и интерпретирует в соответствии с традицией Логийон, который Иоанн приводит в другой версии. Логийон, вероятно, изначально был заимствован из Книги Еноха.

Фрагменты сочинений гностического врача Василида (117-138 гг. н. э.) не дают нам оснований полагать, что он признавал наши Евангелия авторитетными.

Маркион, как мы видели, около 140 года отверг все остальные Евангелия и принял Евангелие, во многом напоминающее наше Евангелие от Луки. Доктор Эбботт, поддерживая более позднее утверждение Тертуллиана о том, что Маркион подделал Евангелие от Луки. В пользу его антиеврейских взглядов говорит то, что, как уже часто отмечалось, «опущения и изменения, которые ему (Маркиону) пришлось бы внести в Евангелие от Иоанна, незначительны по сравнению с теми, которые он был вынужден внести в Евангелие от Луки».

Исходя из этой гипотезы, доктор Эбботт приходит к выводу, что «в 125–135 годах н. э.», то есть в то время, которое он приписывает Евангелию Маркиона, хотя это кажется нам слишком ранним сроком, «Евангелие от Луки было написано». «Евангелие от Иоанна» стало признанным Евангелием в регионе Маркиона, но «Евангелие от Иоанна» ещё не было столь же известным. Однако совершенно очевидно, что мы находимся в океане гипотез и предположений и не можем опереться ни на одну скалу доказанного исторического факта.

Судя по немногим известным фрагментам сочинений Валентина, преемника Василида, у нас нет никаких свидетельств того, что он признавал наши Евангелия. Это подводит нас к середине II века, и, по-видимому, все, кроме абсолютно непримиримых, признают существование наших Евангелий после этой даты.

Выше мы видели, что доктор Эбботт в одной или двух деталях придерживается консервативной позиции; поэтому несколько удивительно, что он резюмирует приведенные Юстином цитаты следующим образом: "Таким образом, вплоть до середины второго века, хотя и присутствуют следы иоанновской мысли и традиции, а также незрелые приближения к доктрине Иоаннова Логоса, все же у некоторых авторов (например, у Варнавы и Симона) мы находим скорее то, что Ин. развивает или на что Ин. нападает, чем что-либо подражающее Ин., а у других (например, у Варнавы и Симона) мы находим то, что Ин. , Поликарп, Игнатий и Папий) - просто боевые кличи того времени, или фразы доктрины Логоса, все еще находящейся в движении, или апокалиптические традиции, более духовную и, возможно, более правдивую версию которых дает Ин. Нет ничего, что доказывало бы или хотя бы предполагало, что Евангелие от Иоанна было признано таковым. Однако многие из этих авторов известны нам по столь кратким и незначительным отрывкам, что делать выводы на их основе очень рискованно.

Но во всём этом кратком изложении нет ни одной ссылки на Евангелие от Марка, от Матфея или от Луки! Почему это упущение, если именно дата написания синоптических Евангелий считается наиболее важной в этом исследовании?

Переходя к Иустину Мученику, отметим, что свидетельства о цитатах, найденных в его трудах (145-149 гг. н. э.), особенно ценны благодаря своей обширности. Доктор Эбботт приходит к выводу, что Иустин знал синоптические Евангелия, но не Евангелие от Иоанна. Но знакомство Юстина с синоптическими Евангелиями вызывало горячие споры как из-за большой свободы, с которой Юстин обращается с предполагаемыми цитатами, так и из-за нескольких его утверждений по важным вопросам, которые убедительно доказывают, что Юстин использовал другие описания Рождества и крещения, нежели в Евангелиях от Матфея и Луки. Широкие расхождения между цитатами Юстина и современным текстом синоптических Евангелий свидетельствуют либо о том, что он цитировал по памяти, либо о том, что оригинальный текст первых трёх Евангелий сильно отличался от нашего современного текста.

Однако трудно поверить, что Юстин не знал наших Евангелий, поскольку его ученик Татиан (150-180 гг. н. э.) не только знал их все, но и составил «Гармонию четырёх», поставив Ин. на один уровень с остальными. Возможно, Юстин не имел ничего общего с Ин. из-за его мистической природы, поскольку Юстин был великим буквалистом.

Таким образом, рассмотрев доказательства, приведённые в цитатах или предполагаемых цитатах, мы можем с большой долей уверенности заключить, что все наши четыре Евангелия были в обращении после 150 года. Однако до этой даты мы не находим ничего, что доказывало бы признание Евангелия от Иоанна, а что касается даты появления синоптических Евангелий, то мы видим, что этот вопрос весьма спорный и что по крайней мере до 110 года н. э. нет абсолютно ничего, что доказывало бы их существование. Очевидная второстепенность Евангелия от Луки. Кроме того, оно опирается на столь слабые доказательства, что, на наш взгляд, не выдерживает критики, и, следовательно, его более поздняя дата, чем у наших Матфея и Марка, не установлена.

Однако непризнание Евангелия от Иоанна, по-видимому, обусловлено доктринальными соображениями, а не поздним временем написания.

А противоречивые мнения критиков о датировке синоптических Евангелий, основанные на цитатах, в основном обусловлены отсутствием чёткого разграничения между тем, что доказывает существование наших реальных компиляций, и тем, что просто указывает на существование одного или нескольких их «источников».

Далее мы рассмотрим современное состояние проблемы Синоптики, изложенное профессором Шмиделем.